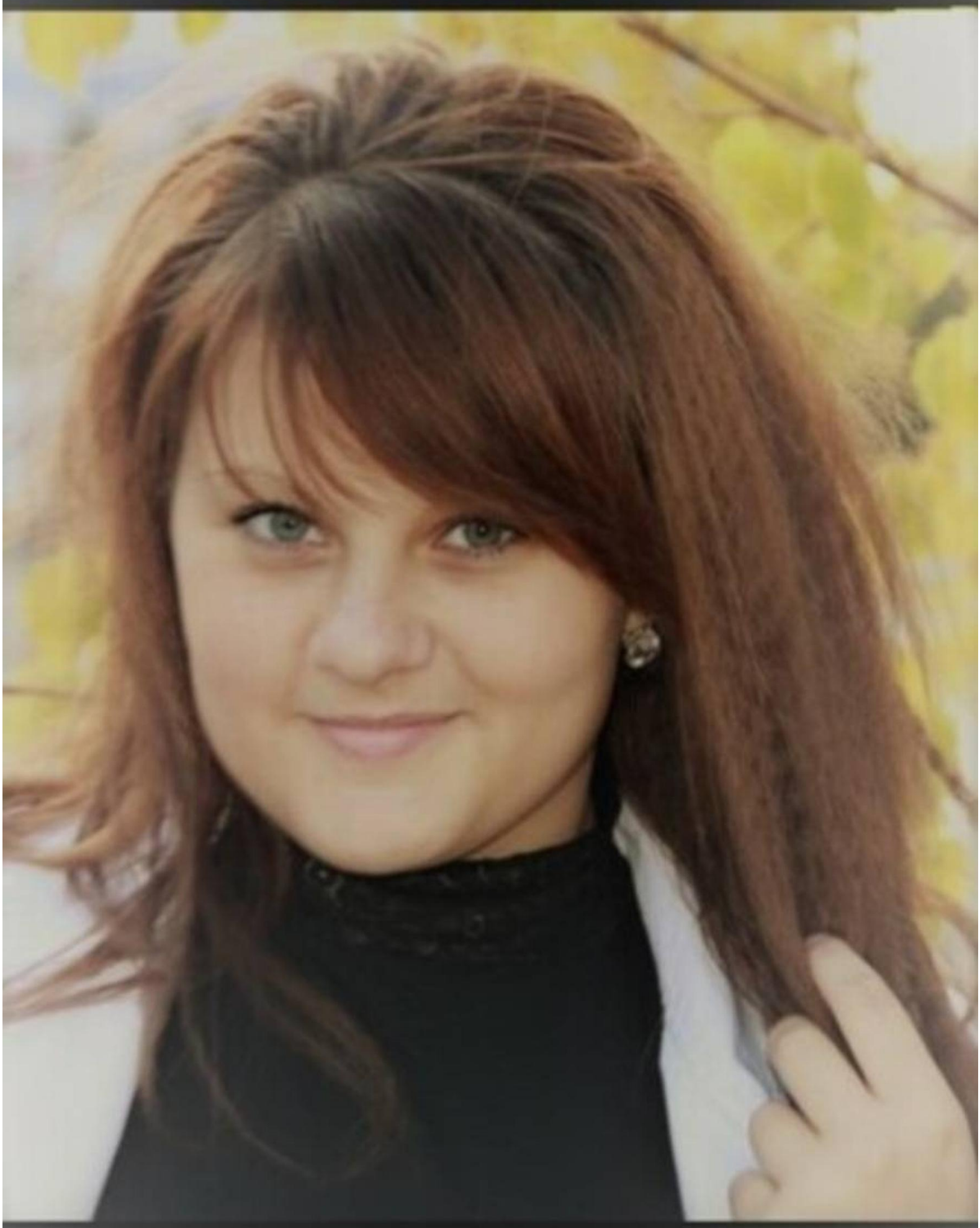
любовь



Ани Вебр

Его (не) сумасшедшая любовь

«Автор»
2026

Вебр А.

Его (не) сумасшедшая любовь / А. Вебр — «Автор», 2026

- Что?! Что я могу сделать?! – опять начинаю заводиться. – Единственное, что мы знаем, так это то, что девушка блондинка знала того, кто хочет тебя убить и теперь она мертва. А ты может вообще живешь в другом городе. Так что мне сделать?! Что?!- Яя не знаю. – с грустью выдохнул он. – Но ты и так потеряла столько времени. Чем дольше ты медлишь, тем выше вероятность, что меня убьют.- А меня? – удивленно восклицаю я. – А обо мне ты не думаешь? Я почти двадцать лет жила каждый день как последний! И вот теперь, у меня появился шанс жить как нормальный человек. Жить как все! Ты не думаешь, что меня могут убить, если я вмешаюсь!Станет ли Камилла помогать незнакомцу?

© Вебр А., 2026
© Автор, 2026

Ани Вебр
Его (не) сумасшедшая любовь

ГЛАВА 1

Камилла.

Я сижу за столом в небольшой кухоньке, которая пахнет сухими травами, старым деревом и чем-то неуловимо лесным — влажной землёй после дождя, хвоей, далёким костром. Облокотившись локтями о старенький деревянный стол, запустила руки в волосы и сжала у корней, гипнотизируя взглядом столешницу, на которой годами впитались кольца от кружек, царапины от ножей и одна глубокая борозда — то ли от топора, то ли от забытого гвоздя. Боже, мне кажется, я схожу с ума. А может, я уже сошла? Ну ведь так не бывает. Просто не может такого быть. Чувство, что я снимаюсь в фильме, только режиссёр забыл дать мне сценарий, и я импровизирую посреди сюжета, который не понимаю. В реальной жизни такого не происходит.

Сейчас я нахожусь в лесу. Да, да, именно в лесу — в настоящем, густом, молчаливом, где деревья стоят так близко друг к другу, что их кроны переплетаются в сплошной зелёный полог, сквозь который едва пробивается свет. Я сбежала сюда три месяца назад. Хотела убежать от себя, от проблем, от всего мира. А может, просто боялась, что меня упекут в психиатрическую больницу — в то белое, стерильное место, где люди в халатах задают вопросы с осторожной мягкостью, от которой хочется кричать. Хотела временно спрятаться. Прийти в себя. Думала, всё, что со мной происходит, — это результат стресса после больницы. Ведь всё началось именно там, среди мерных писков мониторов и запаха антисептика, который въедается в кожу так глубоко, что потом неделями не вымывается.

Два месяца я пыталась закрыть глаза на происходящее. Убеждать себя, что это игра воображения, что усталый мозг рисует картинки, которых не может быть. А когда стала ловить на себе обеспокоенные взгляды родителей — эти быстрые, осторожные взгляды, которые они тут же отводили, будто боялись, что я заметлю, — поняла, что пора что-то менять. Мама стала чаще заходить в комнату с pointless предложениями: «Может, чайку?» — и задерживалась у двери, изучая моё лицо так внимательно, будто искала на нём ответы, которые я сама не знала. Папа перестал шутить, а его голос, обычно уверенный и ровный, приобрёл мягкую, почти хрупкую интонацию, которую я раньше слышала только когда он думал, что его никто не слышит.

Сказав родителям, что хочу побыть в одиночестве и свыкнуться с переменами в своей жизни, решила сбежать в уединённое место. И вот уже три месяца живу в лесу, в охотничьем домике — маленьком, рубленом, с низкими потолками и скрипучим полом, который помнит ещё шаги дедушки. В детстве мой дедушка брал меня с собой на охоту, и я помню, как он учил меня различать птичьи голоса, читать следы на мокрой земле и разводить огонь так, чтобы дым не выдавал твоё присутствие. Здесь тихо, спокойно и потрясающе чистый воздух — настолько чистый, что первые недели у меня даже кружилась голова, будто лёгкие не верили, что им можно дышать так глубоко. По утрам туман поднимается с земли, как занавес, и лес проступает из белизны медленно, неохотно, будто не хочет просыпаться. Только с проблемами справиться мне это не помогло. Тишина, которую я искала как спасение, оказалась не пустой, а полной — полной того, от чего я бежала.

— Ну что ты на меня так смотришь? — бросаю злобный взгляд на мужчину.

Надо отдать ему должное, он вполне хорош собой. Ростом около метра восьмидесяти, подтянутый — именно подтянутый, а не раскаченный, как многие, кто увлекается тренажёрами, и от их фигур веет не силой, а количеством повторений. В его телосложении чувствовалась естественная, природная ловкость, как у человека, привыкшего двигаться, а не просто

поднимать вес. Короткостриженые волосы цвета шоколада — тёмные, густые, чуть отливающие на свету. Но при этом голубые, как два бездонных озера, глаза — яркие, пронзительные, неестественно яркие для такого лица, будто кто-то взял палитру и смешал тёплые и холодные тона, не заботясь о правилах. В обрамлении густых ресниц, которые делали его взгляд ещё глубже, ещё неотвратимее. Волевой подбородок, чуть припухлые губы. Лицо красивое, но не смазливое, а мужественное — с чёткими линиями, которые говорили о характере, а не о генетической удаче. Одет в чёрные джинсы, белую футболку с пиджаком поверх, и эта простота наряда делала его ещё заметнее, будто он не старался произвести впечатление, а всё равно производил.

Я на фоне этого мужчины просто меркну. В сером спортивном костюме с растрепанными волосами, которые уже давно не видели расчёски и торчат в разные стороны, как маленькое бунтарство против собственного отражения. Они у меня чуть кудрявые от природы, цвета молочного шоколада, длиной доходят до середины лопаток, и в лесу, без ухода, стали ещё непослушнее, обрамляя лицо лёгкими волнами, которые путаются и падают куда хотят. Зелёные глаза и вполне милое личико — вот, пожалуй, и весь мой арсенал. Я довольно симпатичная и всегда пользовалась успехом у мужчин, но никогда не считала себя моделью, и меня это вполне устраивало. Да и от парней старалась держаться подальше — все они падки на внешность, и плевать им на внутренний мир, который они даже не пытаются разглядеть за улыбкой и волосами. Да и проблемы со здоровьем не давали мне вести себя как остальные девчонки — не было вечеринок до утра, не было безрассудных поступков, не было той свободы, которая для других была естественной, как воздух. Тотальный контроль родителей не позволял уйти в отрыв, хотя иногда очень хотелось — просто однажды сорваться, исчезнуть, стать кем-то другим, кем-то кому не нужен врач каждую неделю.

— Ты должна мне помочь, — парирует мужчина, и его голос звучит ровно, с той спокойной уверенностью человека, привыкшего, что просьбы выполняются.

— Я тебе ничего не должна, — возражаю, и в моём голосе звенит усталость, которая копилась не день и не два, а целую жизнь.

— Как ты не можешь понять! — взрывается он, и в этом взрыве столько отчаяния, что оно почти осязаемо, густое и тяжёлое, как воздух перед грозой. — Пока ты прячешься в этой глуши... — обводит рукой пространство вокруг, и его взгляд скользит по стенам, по окну, за которым темнеет лес, будто он видит то, чего не вижу я: улицы, людей, опасность, которая поджидает его где-то там, за этой тишиной. — Меня могут убить! А ты сидишь и ничего не делаешь.

— А что я должна сделать! — вскакиваю с места, злобно смотря на него, и стул с грохотом откатывается назад, царапая пол. — Как я могу помочь тебе? Я совершенно ничего о тебе не знаю. Как тебя зовут? Где ты живёшь? Кто хочет твоей смерти? — каждое слово падает, как камень, и я чувствую, как внутри закипает что-то горячее, давящее, безудержное. — Ни я, ни ты не можем ответить на эти вопросы. Как мне помочь тебе? — вновь опускаюсь на стул, и силы вдруг оставляют меня, будто кто-то выдернул пробку, и всё, что держало меня, утекло сквозь пальцы.

— Ты должна сделать хоть что-то. Вместо того чтоб спрятаться здесь, надо было остаться в городе и сделать хоть что-нибудь, — с укоризной качает он головой, и в этом жесте столько человеческого, столько живого, что я снова ловлю себя на мысли, от которой хочется бежать: он не может быть настоящим. Не может. И одновременно — не может не быть.

— Что?! Что я могу сделать?! — опять начинаю заводиться, и голос срывается на крик, потому что внутри нет больше места для страха и непонимания. — Единственное, что мы знаем, — это то, что девушка-блондинка знала того, кто хочет тебя убить, и теперь она мертва. А ты, может, вообще живёшь в другом городе. Так что мне сделать?! Что?! — и в этом «что» столько бессилия, что оно повисает в воздухе, как дым от погасшей свечи.

— Я... я не знаю, — с грустью выдохнул он, и в этой грусти было что-то такое беззащитное, такое настоящее, что на мгновение мне стало стыдно за свою злость. — Но ты и так потеряла столько времени. Чем дольше ты медлишь, тем выше вероятность, что меня убьют.

— А меня? — удивлённо восклицаю я, и голос дрожит, потому что эта мысль — о себе, о собственной безопасности — впервые прорывается сквозь стену его просьб и моего отчаяния. — А обо мне ты не думаешь? Я почти двадцать лет жила каждый день как последний! — слова вылетают, не давая себя остановить, и с каждым из них на свет выходит то, что я годами прятала глубоко, в самом тёмном углу души. — И вот теперь у меня появился шанс жить как нормальный человек. Жить, как все! Ты не думаешь, что меня могут убить, если я вмешаюсь!

— Тебе не обязательно вмешиваться, достаточно просто предупредить, — говорит он тихо, и в этой тихой интонации столько спокойствия, что оно кажется почти нечеловеческим.

— Господи, — глубоко вздохнув, утыкаюсь лбом в стол, и поверхность его прохладная, шершавая, чуть пахнет древесиной и чем-то старым, забытым. — Как же я устала. Как мне всё это надоело. — подняв голову, взглянула на мужчину, и в его глазах увидела то, что заставило меня содрогнуться: надежду. Тихую, упрямую, неугасимую, как огонёк, который не задувает даже самый сильный ветер. — Уйди, пожалуйста. Будь человеком. Оставь меня в покое. Прошу тебя. Дай мне жить спокойно, — повернулась к нему всем корпусом, и в этом развороте было всё моё тело, все мои страхи, все мои мольбы. — Я жить хочу нормально. Не хочу умирать и в психушку не хочу. Ну уйди, пожалуйста.

Он молча смотрел на меня с надеждой, и в этом молчании было больше слов, чем в любом разговоре, — оно давило, жало, обжигало, будто его тишина была громче любого крика.

— Уйди! Оставь меня! Уйди-и-и-и!!! — прокричала я, схватив со стола кружку и кинув её в парня. На мгновение время застыло: я видела, как кружка летит, как её край уже почти касается его груди, — и прошла сквозь него. Прошла насквозь, как через воздух, как через туман, как сквозь то, чего нет. Кружка разбилась об стену с глухим, пустым звоном, и осколки рассыпались по деревянному полу, поблёскивая в тусклом свете, как маленькие, острые доказательства того, что я не сумасшедшая. Или как раз наоборот. Я не знала, что хуже.

Вскакиваю с места и выбегаю на улицу. Дверь распахивается, и меня встречает лес — тёмный, тихий, безразличный. Воздух холодный, влажный, пахнет мхом и хвоей, и от этого запаха на мгновение становится легче дышать, будто лёгкие наконец-то получают то, что им нужно. Присаживаюсь на холодные ступеньки, обнимаю себя руками, чтоб согреться, но холод идёт не снаружи — изнутри, из того места, где живёт страх, который не греет никакая одежда. Устремляю взгляд вдаль — туда, где деревья стоят ровными рядами, уходя в серую мглу, и между их стволами не видно ничего, кроме тишины и пустоты.

Судорожно пытаюсь сдержать слёзы, закусываю губу, сжимаю кулаки, но они предательски начинают течь по щекам — медленно, горячо, беззвучно, смывая всё, что я пыталась удержать внутри: злость, страх, усталость и ту тонкую, нить-like надежду, что однажды всё это закончится, и я проснусь в мире, где призраки не просят о помощи, а кружки разбиваются о живых людей.

ГЛАВА 2

5 месяцев назад.

Камилла.

— Ками, дорогая, собирайся, мы едем в больницу! — в мою комнату вбежала всклокоченная мама. Её обычно безупречная причёска растрепалась, несколько прядей выбились и прилипли к вспотевшему лбу, а в глазах метался тот самый панический восторг, который бывает, когда долго ждёшь чуда и вдруг понимаешь — оно случилось. — Появился донор! Тебе сегодня сделают операцию! Наконец весь этот кошмар закончится! — она присела на край

кровати и стала гладить меня по руке, и в этом движении было столько нежности, смешанной с облегчением, что у меня на мгновение перехватило дыхание — не от болезни, а от того, как сильно она меня любит. — Ты наконец-то поправишься и начнёшь жить полноценной жизнью, — её глаза наполнились слезами, прозрачными и тяжёлыми, как капли росы, которые держатся на травинке до первого дуновения ветра.

Ещё в детстве врачи обнаружили у меня порок сердца. Моим родителям объявили страшный диагноз, сказав, что мне требуется пересадка сердца. Без операции я могу умереть в любой момент. Донора найти очень трудно. Поэтому вся моя жизнь крутилась вокруг нескончаемых обследований, стерильных коридоров, запаха антисептика, который въедался в волосы и одежду, и постоянного, тихого страха, который жил где-то под рёбрами и иногда давал о себе знать не болью, а внезапной тяжестью в груди — будто кто-то осторожно прижимал ладонь к сердцу, напоминая: время идёт. Постоянные лекарства и поддерживающие терапии стали такой же частью моего дня, как завтрак или чистка зубов. Мама боялась потерять меня и практически никуда не отпускала. На прогулку — только за руку с мамой, шаг в сторону — и её пальцы сжимались чуть крепче, будто она пыталась удержать не только меня, но и само время. Я смотрела, как дети бегают по детской площадке и лазают по деревьям, их смех звенел, как колокольчики, а движения были такими свободными, такими беспечными, что от этого становилось больно. Мне это было строго-настрого запрещено. Сидя в песочнице, я завидовала другим детям. У меня не было друзей. Детвора не могла долго сидеть на одном месте, поэтому со мной играть не хотели — я была для них как сломанная игрушка: смотреть можно, трогать неинтересно.

Когда подросла и пошла в школу, мало что изменилось. Все учителя были предупреждены о моём заболевании. Они следили, чтоб меня никто не трогал, пытались уберечь от лишних волнений, стрессов и нагрузок. Их забота была тёплой, но она пахла изоляцией, как плотно закрытая комната, в которой воздух становится тяжёлым от неподвижности. Одноклассники очень скоро стали меня сторониться. Так я стала практически изгоем — тихой девочкой в заднем ряду, которую все замечали только тогда, когда нужно было поставить галочку: «проверили, всё в порядке».

В старших классах всё стало хуже. Повзрослевшие одноклассники стали понимать, что я не такая, как все. Они стали подлавливать моменты, когда учителей нет рядом, чтобы как-то задеть меня или подразнить. В один из таких моментов мне стало плохо, и я потеряла сознание. Помню только, как пол вдруг ушёл из-под ног, а голоса стали далёкими, как сквозь толстое стекло. Тогда я провела в больнице почти месяц. Мама не на шутку перепугалась и перевела меня на домашнее обучение. Таким образом, она полностью изолировала меня от социума.

Я её не виню. Не знаю, как бы поступила на её месте. Мама — Наталья Александровна Ресненко, добрая, любящая и чрезмерно заботливая. В свои сорок пять она выглядела вполне достойно: вьющиеся шоколадные волосы всегда уложены в красивую причёску, будто даже дома она готовилась к встрече с важным человеком; миловидное личико практически без морщин, лишь тонкие лучики у глаз выдавали её улыбку и её тревоги; стройная фигурка, всегда облачённая в деловой костюм, строгий, но элегантный, как броня, которая защищает не только её, но и всю нашу семью. У моих родителей своё рекламное агентство. Папа — Павел Николаевич Ресненко — постоянно пропадает на работе. Он на пару лет старше мамы: высокий, подтянутый мужчина, со строгим лицом, но добрым характером — по крайней мере, дома. Мама говорит, на работе он совсем другой: строгий и очень требовательный, тот самый человек, который одним взглядом заставляет подчинённых выпрямлять спины. Отца вижу крайне редко. Он всё время в командировках или на фирме, чтобы обеспечить нас всем необходимым. Мама дома бывает чаще, но я вижу, как ей не хватает отца. Думаю, если бы не моя болезнь, она бы ездила вместе с отцом, делила бы с ним эти бесконечные встречи и переговоры. Но боится оставлять меня надолго одну. Находясь на работе, звонит каждый час, узнавая о моём

самочувствии, и в этих звонках столько любви, столько страха, что иногда мне хотелось просто сказать: «Мам, я здесь, я дышу, всё хорошо».

С каждым годом сидеть дома становилось всё невыносимее. Жить одним днём и бояться, что завтра может не наступить, осознавая, что ничего в жизни не видела и не сделала, стало сводить с ума. Мир за окном был таким ярким, таким шумным, таким полным возможностей, а я сидела у окна, прижавшись лбом к холодному стеклу, и смотрела, как люди спешат по своим делам, будто знают секрет, который мне никогда не расскажут. Чего мне тогда стоило уговорить мать разрешить мне поступить в институт! После долгих месяцев препирательств, когда мы обе плакали и кричали, когда слова становились острыми, как осколки стекла, мне удалось её уговорить.

Институт стал для меня как глоток свежего воздуха. Поступила на бизнес и управление. Я — единственный ребёнок в семье, и отец сказал, что рано или поздно мне придётся встать у руля нашей фирмы. Я не особо была против. О своей болезни никому не говорила — хотелось быть просто студенткой, а не «той девочкой с больным сердцем». От парней старалась держаться подальше. Там же у меня наконец-то появилась подруга — Карина Астафьева. А вот она предпочитала держаться к парням поближе. Благодаря Карине мне постоянно приходилось пресекать ухаживания парней в свой адрес. Она много раз пыталась затащить меня в какой-нибудь клуб, где музыка бьёт по ушам, а воздух густой от запахов духов и свободы. На что я отвечала категорическим отказом, но, чтоб не обижать её, ходила в кафешки, где можно было сидеть у окна, пить горячий шоколад и притворяться, что я такая же, как все. Спустя год нашей дружбы призналась в причинах своих отказов. Думала, что потеряю единственную подругу. Кар не только не отвернулась от меня, но и стала всячески поддерживать. Мои откровения сильно сплотили нашу дружбу — теперь между нами не было секретов, только понимание и тишина, в которой можно было не притворяться.

Мы закончили уже четвёртый курс. Ещё год — и получим дипломы. Я разговаривала с отцом: он готов взять Карину и меня на свою фирму, чтобы набраться опыта. В этих планах было столько будущего, столько надежды, что я начинала верить: может, у меня всё получится, может, я смогу жить не от обследования к обследованию, а от мечты к мечте.

— Ты меня слышишь? — потрясла меня мама за плечо, и её голос вернул меня в комнату, в этот привычный, родной беспорядок: на столе стопка учебников, на спинке стула висит шарф, который я так и не надела, потому что в квартире всегда было тепло, а на подоконнике сохнет маленький букетик полевых цветов — Карина принесла, сказала, что они напоминают ей о лете, которого нам так не хватало.

— Да, просто задумалась, — тряхнула головой, прогоняя воспоминания, как прогоняют навязчивый сон, который цепляется за сознание холодными пальцами.

— Ну, тогда быстрее одевайся, едем в клинику. Нельзя тратить время. Ты же знаешь, донорское сердце хранится недолго, — в её словах звучала не просто спешка, а осознание того, что время, которое мы так долго тянули, вдруг стало драгоценным, как капля воды в пустыне, и его нельзя было терять ни на секунду.

Я встала, чувствуя, как дрожат руки, и это была не слабость болезни, а дрожь предвкушения — будто я стояла на краю чего-то огромного, чего-то, что изменит всю мою жизнь. За окном небо было серым, но в этой серости уже пробивались первые лучи солнца, как обещание: сегодня всё изменится. Сегодня я получу шанс не просто жить, а дышать полной грудью, бегать по лужам, смеяться до слёз и не бояться, что сердце не выдержит. Сегодня начнётся новая жизнь.

ГЛАВА 3

Камилла.

Открыв глаза после операции, я увидела маму. Первое, что пришло — не боль, не слабость, а свет: мягкий, больничный, рассеянный, будто кто-то специально приглушил его, чтобы не ранить глаза, привыкшие к темноте. Мама сидела у больничной кровати и держала меня за руку, и в её хватке чувствовалась та самая отчаянная нежность, которая бывает у человека, который слишком долго ждал и слишком сильно боялся не дождаться. Её лицо было бледным, под глазами залегли тени — верные следы бессонных ночей, проведённых в этом жёстком кресле, которое она, наверное, даже не замечала, потому что всё в ней было сосредоточено на одном: на моём дыхании, на моём пульсе, на моём возвращении.

За её спиной стоял высокий голубоглазый мужчина. Смотрел на меня и улыбался. Его улыбка была такой тёплой и искренней, словно он очень рад меня видеть — не формально, не вежливо, а по-настоящему, как радуются возвращению кого-то очень дорогого. Свет от потолочной лампы падал на его лицо, и в этой игре света и тени его черты казались одновременно чёткими и едва уловимыми, как отражение в воде, которую вот-вот всколыхнёт ветер. Наверное, это врач. Мать тут же всполошилась и побежала к выходу.

— Очнулась! Она пришла в себя! — кричала мама, выбегая из палаты, и её голос, напуганный и радостный одновременно, эхом прокатился по коридору, подхваченный больничной тишиной.

— Вы врач? — выдавила я из себя слабым, скрипучим голосом. Пить хотелось страшно — так, будто кто-то выжал меня досуха, как губку, и от каждого слова горло сжималось всё сильнее. Во рту пересохло, язык отказывался слушаться, будто стал чужим, неповоротливым, как механизм, который нужно заново смазать. — Можно мне воды?

Мужчина продолжал молча улыбаться. Такое поведение казалось странным — обычно врачи что-то говорят, что-то спрашивают, проверяют рефлексы, щурятся в карты, — но страха я не ощущала. От него исходило тепло и забота, он казался родным, хоть я и видела его впервые. Чувство, будто знаю его много лет, будто между нами есть какая-то невидимая связь, тонкая, как нить, которую не разорвать, но и не увидеть. Хотела снова попросить воды, но тут в палату вернулась мать с мужчиной в белом халате. Невысокого роста, седоватый, с небольшим животиком, но очень горячими руками — от его прикосновений к запястью по руке пробежала волна тепла, и она показалась мне живой, настоящей, в отличие от того, другого, молчаливого, кто стоял у стены и не излучал ничего, кроме улыбки.

— Как вы себя чувствуете? — спросил доктор, меряя пульс на моём запястье. Его пальцы были уверенными, привычными, они знали, куда нажать, что пощупать, как считать. — Что-нибудь беспокоит?

— Нет, — перевела на него взгляд. — Вроде всё хорошо, насколько это возможно в моём положении, — голос стал более звучным. Стала проходить скрипучесть и хрип, будто кто-то медленно наливал в пересохший колодец свежую воду, и она наполняла его, возвращая голосу глубину и звон. — Можно мне воды?

— Да, конечно, — после слов врача мама кинулась наливать в стакан воду из графина, который стоял на прикроватной тумбочке. Она делала это так торопливо, будто боялась, что вода испарится, прежде чем я успею её выпить, и её руки слегка дрожали, и вода плескалась через край, оставляя на тумбочке маленькие капли, которые она тут же вытирала краем рукава.

Блуждала глазами по палате в поисках голубоглазого незнакомца, но, видимо, он ушёл. Палата была маленькой, стандартной: белые стены, белый потолок, тумбочка, капельница, монитор, пищащий ровно, как метроном. Нигде ни следа. Только лёгкое, едва уловимое ощущение присутствия, как запах, который уже выветрился, но ещё держится в воздухе, напоминая о том, кто был здесь минуту назад.

Доктор провёл ещё несколько манипуляций, констатировал, что всё в пределах нормы, и покинул палату. Мама посидела ещё некоторое время, рассказывая, что операция прошла успешно и скоро я окончательно поправлюсь. Она говорила быстро, словно боялась, что если

остановится, то заплачет, и слёзы смоют её уверенность, которую она так старательно надевала, как маску. Попросила меня поспать и уехала домой, привести себя в порядок. На прощание поцеловала в лоб, и её губы были тёплыми и чуть влажными, и в этом поцелуе было столько всего, что словами не передать: страх, и любовь, и надежда, и благодарность — всё сразу, как в капле воды, в которой отражается целый океан.

Прикрыла глаза, но уснуть не удавалось. Посчитала до ста, подумала о всяких пустяках: о том, какой чай мама заваривает лучше всего, о том, почему больничные потолки всегда одинаковые, о том, успею ли я к началу семестра. Бросила эту затею. Вспомнив о подруге, решила позвонить Карине — надо рассказать, что я в больнице. Открыла глаза и замерла, позабыв обо всём на свете. У стены стоял всё тот же мужчина. Только в этот раз с серьёзным лицом. Пристально смотрел мне в глаза, и в его взгляде не было ни улыбки, ни тепла — только напряжённое ожидание, как у человека, который пытается объяснить что-то важное, но не может произнести ни слова.

— Кто вы? — первой нарушила тишину, и мой голос прозвучал неуверенно, будто я задавала вопрос не ему, а самой себе, пытаясь понять, реальность это или морок больничного полумрака.

Он продолжал молчать. Стоял неподвижно, как статуя, но в его неподвижности не было каменной мёртвости — скорее, напряжённое, сдерживаемое движение, как у человека, который хочет шагнуть вперёд, но не может.

— Вы хотите меня напугать? Почему вы молчите? — его молчание настораживало, оно было тяжёлым, густым, как воздух перед грозой, и в нём звучало что-то такое, чего я не могла разобрать, как голос, доносящийся сквозь толщу воды.

Мужчина молчал и не двигался.

— Что вам нужно? — предприняла ещё одну попытку, и в этом вопросе уже не было страха, а только усталость и отчаяние человека, который пытается достучаться до стены.

После которой в голове вспыхнул ответ. «Помощь. Ему нужна помощь», — сложно объяснить, но в голове звучал незнакомый женский голос. Не мой, не его — чужой, далёкий, как радиосигнал из другого города, который пробивается сквозь помехи. В то время как парень продолжал молчать. Эта ситуация немного выбила из равновесия — будто я стояла на твёрдой земле, и вдруг пол под ногами стал прозрачным, и под ним — бездна. Датчики на мониторе, что стоял рядом, стали пищать, и этот звук был резким, настойчивым, как будильник, который не даёт сделать вид, что ничего не происходит. В палату тут же вошёл быстрым шагом врач.

— Что вас так взволновало? — спросил он, глядя в монитор, и его брови чуть сдвинулись к переносице, как у человека, привыкшего читать чужой пульс, как книгу. — Пульс увеличился. Может, успокоительного?

Я переводила взгляд с парня на доктора и обратно, и в этом метании была вся моя растерянность: один смотрел на меня с мольбой, другой — с профессиональным беспокойством, и между ними я стояла, как между двумя мирами, один из которых был реальным, а другой — нет, но я не могла понять, какой именно.

— Кто этот мужчина? — спросила у врача, вновь глядя на незнакомца, и в этот момент мне казалось, что ответ очевиден, что врач просто обернётся, кивнёт и всё объяснит.

— Где? Какой мужчина? — забеспокоился он, проследив за моим взглядом, и его глаза скользнули по стене, по пустому пространству, по белой краске, и не нашли ничего.

В тот момент мне стало действительно страшно. Доктор крутил головой, смотря то на меня, то в сторону парня, но он его не видит. От осознания по спине побежали колючие мурашки, и каждый волосок на теле встал дыбом, будто кожа пыталась уловить то, чего не видели глаза. Надо быстро придумать вменяемый ответ, пока меня не упекли в психиатрическую больницу. Иначе моя нормальная жизнь закончится, не успев начаться — только-только получила новое сердце, и вот уже, кажется, начала терять рассудок.

— Простите. Мне сон странный приснился, — начала оправдываться, и слова давались с трудом, будто каждое нужно было тщательно взвесить, прежде чем произнести, как ступеньку на винтовой лестнице, где один неверный шаг — и падение. — Не сразу поняла, где нахожусь.

— Ничего, бывает, — по-доброму улыбнулся седоватый дядечка, и в этой улыбке было столько спокойного, профессионального снисхождения, что я на мгновение поверила: может, и правда просто стресс. — Такое бывает после стресса. А операция — это всё-таки большой стресс для организма.

— Да, пожалуй, вы правы. Я, наверное, ещё посплю, — постаралась улыбнуться, с трудом, но удалось, и эта улыбка была такой фальшивой, такой натянутой, что я сама чувствовала её искусственность, как маску, которая вот-вот сползёт.

— Конечно, отдыхай.

Он ушёл, а я закрыла глаза. Было страшно открывать их вновь. В моей жизни только призраков не хватало. Может, и правда стресс? Через пару дней успокоюсь, и всё пройдёт. Выпишут из больницы, вернусь к своей обычной жизни. Забуду это недоразумение, как страшный сон. Интересно, я сейчас себя уговариваю или призрака? Он ещё здесь или ушёл? Глаза открывать страшно. А может, он умер в этой больнице? Я выйду из неё и никогда его больше не увижу. Только мне лежать ещё минимум неделю, а то и больше. Как быть всё это время? Не обращать внимание. Так-то он ничего плохого не делает. Просто молчит и смотрит. Вроде не особо страшно. Ну, если только чуть-чуть жутковато. Но можно потерпеть. Это лучше, чем в дурку переехать. Да, так будет лучше.

В больнице меня продержали две недели. Все это время он то появлялся, то исчезал — как тень, которая ложится на стену, когда солнце заходит за облако, и исчезает, когда оно выходит снова. Постоянно молчал. Меня не трогал, близко не подходил. Я научилась не обращать на него внимания — или, точнее, научилась делать вид, что не обращаю, а внутри каждый раз вздрагивала, когда краем глаза замечала его силуэт у стены, в дверном проёме, у окна, за которым шумел своей больничной жизнью город, oblivious к моему маленькому кошмару.

В день выписки мама взяла мою сумку, я шла позади, чувствуя себя странно лёгкой, будто гравитация немного ослабла, будто тело, привыкшее к больничному ритму, ещё не до конца верило, что можно идти куда хочешь, а не куда ведут. Обернулась, чтобы в последний раз взглянуть на незнакомца. Он стоял в палате, у окна, и свет падал на него так, что он казался почти прозрачным, как фигура, нарисованная акварелью, которую вода почти смыла, но не до конца. Он смотрел таким печальным взглядом, что мне стало его жаль — глубокой, непрошеной жалостью, от которой щипало в глазах. Я начинаю новую жизнь, а он навсегда останется в этой палате, один, между стенами, которые пахнут антисептиком и одиночеством. Красивый парень. Я бы могла в него влюбиться, если бы мы встретились при других обстоятельствах — не здесь, не так, не в этой стерильной реальности, где призраки молчат, а живые боятся собственных слов. Поддавшись порыву, помахала рукой на прощание, и этот жест — лёгкий, почти детский — показался мне самым одиноким взмахом руки в мире. Покинула палату.

Моя комната встретила меня прохладой кондиционера и свежестью после влажной уборки — этот запах, влажный, чистый, с лёгкой нотой лимона, был запахом дома, и от него на мгновение перехватило горло, потому что я не была здесь так долго, что комната успела стать немного чужой, как знакомая мелодия, которую забыл на время, а потом вспомнил, и она звучит ещё роднее. Мы жили в двухэтажном доме, весь дизайн которого мама придумала сама, и в каждой комнате чувствовалась её рука: аккуратная, со вкусом, с любовью к деталям, которая превращала дом не в витрину, а в гнездо. Моя комната выдержана в бежевых и молочных тонах — стены, шторы, вся мебель, всё в этих мягких, тёплых оттенках, которые не давят и не отвлекают, а будто обнимают, когда входишь. Комната довольно просторная. Кровать стоит у панорамного окна — большого, от пола до потолка, и в него, как в экран, транслируется жизнь, которая идёт снаружи, не подозревая, что кто-то смотрит. Большую часть времени я

лежала, глядя на улицу. Из окна открывается удивительный пейзаж: за нашим домом находится небольшое озеро, спокойное, гладкое, в ясные дни отражающее небо так точно, что не сразу поймёшь, где верх, где низ. Рядом с которым растёт несколько плакучих ив, их ветви склоняются к воде, как женщины, которые склонились над колыбелью, и в этом жесте столько тихой, древней нежности, что кажется, будто они охраняют не воду, а чьи-то сны. А дальше — бескрайнее поле, уходящее к горизонту, как зелёное море, которое колышется от ветра, и каждая травинка в нём — маленькая, упрямая жизнь, которая тянется к солнцу, не зная, что завтра может не наступить.

Отец купил дом на окраине города, в элитном посёлке. Как он сказал: «Статус обязывает». Я часто представляла, что бегу по полю, или валяюсь в траве, чувствую, как стебельки щекочут щёки, как земля отдаёт прохладой сквозь тонкую ткань. Мечтала, что однажды действительно пробегусь по нему, когда это не навредит моему здоровью. И вот, кажется, этот день настал. Или вот-вот наступит.

У стены стоит шкаф-купе и письменный стол. Вот и вся обстановка. Минимализм — это моё. Как в обстановке, так и в вещах. Несмотря на то что семья у нас не бедная, я не покупала много вещей. В основном это джинсы, футболки и спортивные костюмы. Люблю удобную одежду. Так легче затеряться в толпе, особенно если ты от неё отличаешься.

Легла на кровать и сделала глубокий вдох, затем выдох. Постель пахла лавандой — мама, наверное, положила sachet с травами в подушку, как делала в детстве, когда мне было страшно и она садилась рядом, гладила по голове и шептала, что всё будет хорошо.

— Ну, здравствуй, новая полноценная жизнь! — улыбаюсь, глядя в потолок, и этот потолок, молочный, гладкий, с лёгким контуром тени от люстры, кажется мне самым прекрасным, что я видела, потому что это мой потолок, мой дом, моё начало. — Теперь со скукой покончено. Хочу, как все сверстники, радоваться жизни и искать приключения на пятую точку. Я долго ждала этого дня, и вот он настал. Теперь наполню свою жизнь новыми впечатлениями и приключениями. И начну с завтрашнего дня.

Ох, если бы я только знала, какие приключения ждут меня впереди.

Мне навстречу шла красивая молодая девушка, блондинка. Волосы её развевались, как на ветру, хотя воздуха не было — ни дуновения, ни движения, только она и я, и пространство между нами, которое с каждым её шагом становилось всё меньше. Шла и что-то говорила. Я не могла разобрать — очень далеко она находилась, и слова её звучали, как шёпот сквозь толщу стекла. Но чем ближе подходила, тем отчётливее становились её слова, и каждый из них ложился мне на слух, как капля на сухую землю.

— Помощь. Ему нужна моя помощь. Я должна спасти его. Должна, — она остановилась напротив меня. Смотря мне в глаза своими безумно красивыми ярко-голубыми глазами, цвета неба в ясный полдень, когда оно такое глубокое, что, кажется, утонешь, если будешь смотреть слишком долго. Смотрела так пристально, словно хочет заглянуть в самую душу, прочитать в ней то, что я сама ещё не знала. — Ему нужна моя помощь. Его надо спасти, — она словно гипнотизировала меня, и в её голосе звучала такая отчаянная, такая жгучая мольба, что я не могла отвернуться, не могла закрыть глаза, не могла сделать ничего, кроме как слушать. — Он не должен умереть. Я слишком сильно его люблю, чтоб позволить этому случиться. Ему надо помочь. Спасти, — я стала повторять за ней, как в бреду, как эхо, которое не имеет своей воли, а только повторяет то, что слышит. — Помощь. Нужна моя помощь. Предупредить об опасности. Спасти. Спасти! Спасти!!! СПАСТИ ОТ СМЕРТИ!!! — наши голоса сливались в один, и этот голос был уже не мой и не её, а чей-то третий, общий, надрывающий, полный такого отчаяния, что от него должно было треснуть небо.

Подскочив на кровати, осмотрелась по сторонам. Это был сон. Всего лишь сон. Сердце бешено колотится о грудную клетку, и каждый удар отдавался в ушах, как набат, будто оно пыталось вырваться, пробить рёбра и улететь, и я не знала, боялась ли его или, наоборот, радо-

валась, что оно вообще может колотиться — моё новое, чужое, живое сердце. Вся покрытая липким потом, пыталась отдышаться, и воздух входил в лёгкие рвано, толчками, как вода в трубу, которую только что пробили. Присниться же такое. Встав с кровати, направилась в ванную комнату. Надо принять душ и ложиться спать.

Стоя под струями тёплой воды, стала приходить в себя. Вода стекала по плечам, по спине, смывая пот, и вместе с ним — остатки сна, его липкие, ледяные пальцы, которые всё ещё цеплялись за кожу. Выключила воду, взяла полотенце и увидела его.

— Господи! — прикрылась полотенцем, и сердце снова дало о себе знать, но на этот раз не тёплым биением, а резким, паническим скачком, от которого перехватило дыхание. — Ты меня напугал. Что ты тут делаешь? — но в ответ тишина, и эта тишина была такой плотной, такой осязаемой, что, казалось, её можно потрогать. Он стоял в углу ванной, неподвижный, молчаливый, и свет от лампы проходил сквозь его контур, будто он был сделан из тумана, который forgot рассеяться.

Вернулась в комнату и, завёрнутая в полотенце, залезла на постель с ногами. Мужчина стоял передо мной, и в его взгляде было что-то новое — не улыбка, не серьёзность, а мольба, тихая, упрямая, как свет фонаря, который не задувает даже самый сильный ветер.

— Чего ты хочешь от меня? Хочешь, чтоб помогла тебе? Или у меня просто крыша поехала? Ты можешь хоть что-то ответить или головой помахать?! — и в этом крике было всё: страх, и злость, и отчаяние, и странная, необъяснимая жалость, которая появлялась каждый раз, когда я смотрела в его голубые глаза, такие живые, такие настоящие, что в них невозможно было не поверить.

— У тебя всё в порядке? — я вздрогнула, в комнату вошла мама, и её голос, привычный, тёплый, заботливый, был как спасательный круг, брошенный посреди шторма. — С кем ты разговариваешь? — она обеспокоенно смотрела на меня, и в её взгляде мелькнула тень того самого страха, от которого я так долго её убеждала, что всё прошло, что всё позади.

А я не знала, что сказать, чтоб не волновать её. Стоило ли говорить правду? Что её дочь, только что получившая новое сердце, уже разговаривает с призраками? Нет. Это убило бы её.

— Всё хорошо. Просто мысли вслух, — нежно улыбнулась ей, и в этой улыбке было столько усилий, что она казалась мне самой тяжёлой улыбкой в моей жизни. — Настраиваю себя на новую жизнь.

— Это правильно, — засияла мама, и в её сиянии было столько облегчения, столько надежды, что я на мгновение поверила: может, и правда всё будет хорошо. Может, он уйдёт. Может, я просто... просто буду жить.

ГЛАВА 4

Камилла.

Почти месяц я жила и думала, что спятила. Он преследовал меня всюду — дома, на улице, при встречах с Кариной. В квартире его тень скользила по стенам, будто свет от лампы вдруг стал слишком жидким и начал растекаться, образуя очертания, которые не должны были существовать. На улице он шёл чуть позади, не наступая на мои следы, но всегда оставаясь в поле зрения — как отражение, которое не принадлежит зеркалу. При встречах с Кариной я пыталась делать вид, что ничего не происходит: смеялась над её шутками, кивала, когда она рассказывала про очередного парня, и старательно не смотрела в угол, где он стоял, скрестив руки и глядя на меня с этой своей молчаливой, упрямой мольбой. На людях я натягивала улыбку, как броню, и она сидела на мне криво, но держалась. Когда оставалась одна, срывалась и пыталась добиться ответов, швыряя в пустоту вопросы, как камни в тёмную воду, — но он молчал. Его молчание было не тишиной, а чем-то плотным, почти осязаемым, как слой пыли, который ложится на всё и делает мир чуть менее реальным.

По ночам мне снился один и тот же сон. Девушка-блондинка, твердила о спасении. Её голос звенел в ушах, как натянутая струна, готовая порваться. Я просыпалась в холодном поту, иногда с криками фраз из сна, и первые секунды не понимала, где нахожусь: комната плыла перед глазами, мебель теряла чёткие очертания, а воздух казался густым, как кисель. Мама стала странно на меня поглядывать. Ведь именно она приходила в мою комнату по ночам — я слышала, как тихо открывается дверь, как шуршит её халат, как она замирает у порога, вглядываясь в темноту, будто пыталась разглядеть то, что видела я. Хоть я и старалась быстро взять себя в руки и отшутиться, говоря, что просто кошмар приснился, она мне не верила. Видела, что со мной что-то происходит, а я боялась признаться. Боялась, что если произнесу это вслух, оно станет настоящим, осязаемым, и тогда уже никто не сможет сказать: «Тебе просто показалось».

Во снах я тоже не продвинулась дальше. Всё одно и то же по кругу: «помоги», «спаси» — и ничего конкретного. Даже если это всё правда, то всё равно такими темпами можно свихнуться. С каждым днём контролировать себя становилось всё труднее. Нервы уже были на пределе, натянутые, как провода под напряжением, готовые искрить от любого прикосновения. Ночью — девушка, днём — парень. Нет ни секунды передышки. Они не давали мне забыть, не давали выдохнуть, не давали притвориться, что я обычная девушка, которая просто восстанавливается после операции.

Сегодня впервые за долгое время я проснулась с улыбкой. Этот сон отличался от предыдущих. Мои преследователи обнимались во сне. Это было так мило, так по-человечески тепло, что на мгновение я забыла, что вижу это не наяву. Он кружил девушку, приподнимая её над полом, и говорил, как рад её видеть и как скучал по ней. У парня был красивый, бархатно-чарующий голос — низкий, обволакивающий, очень подходящий его внешности, как идеально сидящий костюм. В каждом слове звучала такая нежность, что от неё хотелось зажмуриться, чтобы не расплакаться. Они определённо любили друг друга — в их движениях, взглядах, в том, как она прятала лицо у него на плече, а он гладил её по волосам, было столько невысказанного, столько боли и счастья одновременно, что этот сон казался не бредом, а кусочком чужой, но такой настоящей жизни.

В прекрасном настроении я спустилась в столовую к завтраку. Пахло свежей выпечкой, кофе и чем-то домашним, уютным — запахом, который обычно успокаивает, но сегодня он только подчёркивал контраст между этой нормальной, привычной жизнью и тем хаосом, который творился у меня в голове. Села за большой овальный, уже накрытый стол, на белоснежной скатерти которого тарелки и чашки выглядели как часть идеальной картинки из журнала.

— Доброе утро! — поприветствовала я родителей.

— Доброе. Смотрю, ты в хорошем настроении, — подметил отец, отложив газету и глядя на меня поверх очков. В его взгляде было столько осторожной надежды, что мне стало стыдно за все свои враньё и недоговорки.

— Да. Я отлично выспалась и готова к подвигам, но только после завтрака, — улыбаясь, откусила булочку. Корочка хрустела, а внутри она была мягкой, воздушной, и этот простой, земной вкус на мгновение вернул меня в реальность, где всё было понятно и просто.

— Слава богу, — улыбнулась мама, и в её улыбке было столько облегчения, что я почувствовала себя ещё хуже. — А то я начала за тебя беспокоиться.

— Не стоит. Просто восстанавливалась после операции и привыкала к новой себе. Но теперь всё хорошо, — заверила родителей, стараясь, чтобы голос звучал уверенно, а не как плохо отрепетированная реплика.

— Вот и славно, — мама принялась завтракать, и этот обычный, привычный жест — вилка, кусочек омлета, глоток чая — казался сейчас самым надёжным в мире.

Я тоже взяла вилку и принялась за пышный, ароматный омлет. Желток растекался по тарелке, смешиваясь с зеленью и кусочками помидоров, и всё это выглядело так аппетитно, так нормально, что хотелось просто сидеть и есть, забыв обо всём.

— Ты должна мне помочь, — раздался рядом бархатный голос. Он прозвучал не в голове, а в воздухе, как звук, который можно услышать ушами, а не воображением.

— Боже! — я уронила вилку. Она звякнула об тарелку и упала под стол, и этот звук был таким резким, таким неуместным в этой уютной тишине, что на меня уставились две пары родительских глаз — в них читались и удивление, и тревога, и страх, что всё вернулось.

— Я вспомнила, что обещала Карине позавтракать в кафе вместе и ужасно опаздываю, — сразу начала оправдывать своё поведение, тараторя, чтобы не дать им задать ни одного вопроса. — Надо бежать!

Вскочив из-за стола, побежала в свою комнату. Я за всю жизнь столько не врала, сколько за последний месяц. Ложь липла к языку, становилась привычной, и от этого было ещё гаже. Оказавшись в комнате, плотно закрыла дверь, будто она могла удержать не только звук, но и саму эту странность, которая со мной происходила.

— Ты наконец-то соизволил заговорить, — начала я полушёпотом, чтобы не сорваться на крик, но чтобы он услышал всю накопившуюся во мне усталость. — Другого времени не нашлось?

— Ты должна меня спасти, — проигнорировал он мои высказывания, и в его голосе не было ни раздражения, ни оправданий — только эта упрямая, бесконечная мольба.

— Я тебе ничего не должна, — зашипела я, чувствуя, как внутри закипает отчаяние. — Хватит мучить меня. Сколько можно?

— Помоги мне.

— Заело что ли?

— Спаси мне жизнь. — Он был просто непробиваемый.

— Как? Что я должна сделать? — сдалась, наконец, и в этом вопросе было столько усталости, что он звучал почти как просьба о пощаде. — Я согласна тебе помочь. Скажи как? Может, тогда оставишь меня в покое.

— Помоги мне. Спаси мне жизнь.

— Как? Я не знаю, кто ты и что мне надо сделать.

— Ты должна мне помочь.

— Понятно. Заговорить заговорил, но мне это мало поможет. Всё это уже говорила девушка, — я опустилась на край кровати, чувствуя, как силы покидают меня, как вода уходит сквозь пальцы.

После того утра держать себя в руках стало ещё сложнее. Он появлялся неожиданно — в отражении зеркала, в тени от шторы, в проёме двери — и твердил о помощи, а по ночам то же самое твердила его девушка. Их голоса сплетались в моей голове в один бесконечный хор, который не давал спать, не давал думать, не давал жить. Мама пыталась вывести меня на разговор. Я понимала, что она переживает, что её сердце разрывается между желанием помочь и страхом услышать то, что она не сможет принять. Поэтому продолжала молчать. Молчать было больно, но говорить было страшнее.

Спустя месяц я решила уехать на время. Пусть родители успокоятся. Да и я, может, смогу разобраться, что делать. Как дальше с этим жить? Или, может, смогу ему помочь, и он отстанет от меня. Решение далось нелегко, но в нём было столько надежды на тишину, что оно казалось единственным выходом.

Была середина августа. Солнце стояло высоко, заливая город золотистым светом, который казался почти издевательским в своей безмятежности. Понимая, что не смогу нормально учиться, взяла академический отпуск и уехала в охотничий домик в лесу. Дедушка брал меня с собой на охоту, чтобы хоть как-то скрасить моё затворничество. Мы шли по лесу, и он учил

меня читать следы, слушать тишину и видеть красоту в самых простых вещах — в узоре коры, в изгибе ветки, в отражении неба в луже. А когда он умер, я лишилась и этих поездок, и его спокойного, уверенного голоса, который знал ответы на все вопросы.

Здесь, в глуши, я могла свободно выплескивать свои эмоции. Кричала на парня, пытаясь прогнать, кидалась разными вещами — стаканом, подушкой, книгой, — но они пролетали сквозь него, не причиняя ни вреда, ни даже намёка на сопротивление. Тогда пыталась разговаривать в надежде, что смогу узнать ответы на свои вопросы, только всё было бесполезно. Его молчание стало моим личным испытанием, моей тюрьмой, из которой не было выхода.

Спустя несколько недель появились новые сны. Теперь они были не просто повторяющимися фразами, а целыми сценами, живыми и яркими, как кадры из фильма, который крутят без остановки. Девушка подслушала телефонный разговор какого-то мужчины. Его не видно. Слышно только голос, низкий, властный, пропитанный холодной уверенностью человека, который привык отдавать приказы и знать, что их выполнят.

— Он должен умереть в ближайшее время. Организуй какой-нибудь несчастный случай. Он должен уйти с моей дороги. Я хочу стать полноправным и единоличным хозяином фирмы. Мне надоело подчиняться его приказам. Я сам хочу управлять. Сделаешь дело, деньгами не обижу, — слова падали, как камни, тяжёлые и острые, и я чувствовала, как девушка понимает, чей это голос. Осознание ударило её, как пощёчина, и она бросилась бежать, не разбирая дороги, спотыкаясь о собственные мысли.

Она выбегала из огромного стеклянного здания, которых в городе множество и все почти одинаковые — бесконечные коробки из стекла и бетона, отражающие небо и делающие город похожим на лабиринт, из которого невозможно выбраться. Она села в машину и на большой скорости неслась по городу. Ветер свистел в открытых окнах, город мелькал за стёклами рваными кадрами: светофоры, витрины, лица прохожих, сливающиеся в одну размытую полосу. На одном из поворотов она не справилась с управлением и влетела в столб. Удар был такой силы, что время на мгновение остановилось, а потом потекло снова, но уже без неё. Судя по силе удара, она была мертва. В последние минуты её жизни в голове крутились слова о спасении и жуткий, ледяной страх за жизнь парня — такой сильный, что он перекрывал даже боль, даже осознание собственной гибели.

Просыпаясь после таких снов, я лежала, глядя в потолок, и пыталась собрать себя по кусочкам. Лес вокруг был тихим, но эта тишина не успокаивала. Она была не доброй, а равнодушной, как тишина после бури, когда всё уже разрушено, и остаётся только смотреть на обломки. И я смотрела. И ждала. И не знала, что делать дальше.

ГЛАВА 5

Настоящее время.

Камилла.

Вытерев слёзы, зашла в дом. Доски пола тихо скрипнули под ногами, и этот звук показался мне самым родным, что было в этом лесу, — будто сам дом приветствовал меня, возвращая из того места, куда я только что ходила: на крыльцо, к слезам, к отчаянию, которое наконец начало сменяться чем-то другим. Села за стол и, полная решимости, посмотрела на парня. Он стоял у стены, как всегда, но в этот раз я смотрела на него не как на наваждение, а как на задачу, которую нужно решить, — будто между нами лежала не пропасть между живым и мёртвым, а всего лишь стопка непрочитанных документов.

— Хорошо. Я вернусь в город. Давай посмотрим, что мы имеем. Девушка услышала, что тебя хотят убить, — я стала загибать пальцы, и каждый палец был как пункт в обвинении, которое я предъявляла не ему, а самой судьбе, решившей свести нас вот таким образом. — Она умерла. Ты, скорее всего, владеешь фирмой. Ты богат. Твой враг работает с тобой. Как

вас всех зовут и где вы живёте, мы не знаем. Тебя должны были убить в кратчайшие сроки. От какой конкретно даты — непонятно. А может, ты уже мёртв? А? Ты не думал об этом? — и в этом вопросе было больше, чем просто предположение: в нём была та самая мысль, которая мучила меня по ночам, когда я лежала, глядя в потолок, и пыталась понять — помогаю ли я живому человеку или гоняюсь за тенью, которая уже стала тенью.

— Не знаю… даже если это так, ты можешь помочь найти убийцу.

— Ага, или присоединиться к вам, — горько усмехнулась я, и эта усмешка была невесёлой, как осенний дождь, который начинается внезапно и заканчивается, не оставив ничего, кроме мокрых листьев и тяжёлого воздуха. — Ладно, вернусь в город — начну поиски с наших бизнесменов. Вдруг вы все-таки из этого города. Только у меня одно условие. Ты не будешь появляться на людях и уж тем более разговаривать со мной. Не хочу оказаться в дурке. Если нарушишь это правило, я вновь вернусь сюда. Будем жить здесь и «чудно общаться», — с сарказмом закончила я, и в этом сарказме было столько усталости, что он сам по себе звучал как белый флаг, который я подняла не потому, что сдалась, а потому, что устала воевать с ветряными мельницами.

— Хорошо. Я согласен, — ответил он, и в его голосе прозвучало что-то похожее на благодарность — тихая, едва уловимая, как свет далёкой звезды, которая видна только в самую тёмную ночь.

Вернувшись домой, я днями напролёт шерстила интернет в поисках нужного лица. Экран ноутбука стал моим единственным собеседником, а поисковая строка — единственным вопросом, на который я искала ответ. С каждым днём всё больше казалось, что это бесполезно: я просматривала сайт за сайтом, и каждый новый был похож на предыдущий, как братья-близнецы, и ни один не давал мне того, что я искала. Понимала: предпринимателей слишком много, я даже не знаю, в каком диапазоне искать. Ведь в наше время убивают и за пару тысяч. Может оказаться, что фирма не такая уж и большая. Может, они арендовали пару кабинетов, и у них вообще нет сайта, а владельцы значатся в каких-нибудь бумажных реестрах, которые никто не оцифровал и которые покрываются пылью в подвалах налоговых инспекций.

Хорошо хоть, что голубоглазый держит слово и появляется только в моей комнате. Я стала спокойнее, и мама успокоилась и, кажется, стала больше времени проводить вместе с отцом на фирме. В общем, всё вроде понемногу пришло в норму. Если можно так сказать, когда в твоей спальне живёт призрак, который ждёт, пока ты спасёшь ему жизнь.

— Всё, я устала, — захлопнула крышку ноутбука, и звук был таким окончательным, будто я закрыла не компьютер, а дверь перед собой. — Я прогуляюсь, а ты сиди и жди.

— У нас нет на это времени.

— Это у тебя его нет, а у меня полно. Я двадцать лет провела дома! — и в этих словах было всё: и детство у окна, и песочница в одиночестве, и бесконечные обследования, и запах антисептика, и мама, которая держала за руку так крепко, будто я могла улететь. — И теперь, когда я могу жить в своё удовольствие, появляешься ты, и я снова вынуждена сидеть в четырёх стенах. Нет уж. Я две недели смотрю в экран компьютера, и всё бесполезно. Пройдусь пару часиков по городу и вернусь.

Не дожидаясь ответа, вышла из комнаты. Хватит с меня. Я не его рабыня. Пора сделать что-то для себя. Вызвала такси и приехала в центр города. Как раз здесь, много стеклянных зданий — высотных, блестящих, отражающих небо и прохожих, как огромные зеркала, в которых город видит сам себя. В них куча офисов, в одном из них как раз офис нашей семьи. Не знаю, зачем приехала именно сюда. Вряд ли могу здесь встретить его, но мало ли. Вдруг мне повезёт. Усмехнувшись своим мыслям — потому что «везение» в моём исполнении звучало как-то особенно горько, — пошла к ближайшему кафе. Села за столик у окна, заказала кофе и чизкейк.

Кафе было уютным и почти пустым. Мягкий свет падал на деревянные столики, а в воздухе пахло кофе, ванилью и чем-то сладким, что лилось из невидимой колонки под потолком. В дальнем углу сидела влюблённая парочка и мило «ворковала», держась за руки, и их пальцы переплетались так естественно, будто были созданы друг для друга. У барной стойки мужчина пил кофе и изучал что-то в телефоне, изредка хмурясь, как человек, для которого даже перерыв — продолжение рабочего дня. Бармен сосредоточенно натирал бокалы, и ткань тихо поскрипывала по стеклу, как будто это был самый важный процесс в мире. Неподалёку скучала официантка, подперев щёку ладонью и рисуя на салфетке что-то абстрактное.

Мимо проходили люди. В этой части города все слишком занятые. Все куда-то спешат, их шаги чеканили ритм делового дня, и только я наслаждалась кофе, и эта контрастная картина — я, сидящая у окна, и толпа, бегущая мимо, — казалась мне символом всей моей жизни: мир спешил, а я смотрела на него сквозь стекло.

Может, стоит навестить родителей?

Мои размышления прервал телефонный звонок.

— Да, — ответила. Звонила Карина.

— Привет! — защебетала она в трубку, и её голос был таким ярким, таким живым, что на мгновение я позавидовала её способности быть громкой в мире, где я привыкла быть тихой. — Не хочешь прогуляться? Мы так давно не виделись.

— Я уже почти гуляю. Сижу в кафе.

— Почему меня не позвала? — с обидой отозвалась подруга, и в этой обидке было столько искренней, детской ревности, что я невольно улыбнулась. — Давай подъеду?

— Приезжай, скину адрес сообщением.

Через двадцать минут тишину разрушил возглас Карины. Она ворвалась в кафе, как весенний ветер, — шумная, яркая, с развевающимися волосами и глазами, в которых горело столько энергии, что хватило бы на троих.

— Наконец-то ты вышла из дома! — присела она ко мне за столик, и от неё пахло духами, уличным воздухом и чем-то ещё, что можно описать только одним словом: жизнь. — Я была тут неподалёку. Мы так давно не общались. Ты на меня обижена? — без умолку тараторила Кар, и её слова сыпались, как горошины из перевёрнутой баночки, не давая вставить ни единого звука. — Что я сделала? Почему ты перестала общаться со мной? — заваливала она вопросами, на которые мне было трудно ответить, потому что правда была такой странной, такой невозможной, что каждое слово в ней приходилось вытаскивать из себя, как занозу.

— Ничего ты не сделала. Успокойся.

— Но я же вижу, с тобой что-то происходит, — и её голос вдруг стал тише, мягче, будто она сбросила привычную броню болтушки и стала той Кариной, которая умеет слушать, которая умеет быть серьёзной, когда это нужно.

— Всё нормально. Просто… после операции чувствую себя… словно другим человеком, — как же сложно подобрать слова, когда правда не помещается ни в одно из них, как вода, которая не помещается в ладонях и утекает сквозь пальцы, оставляя только ощущение, что ты что-то держала, но уже не помнишь что.

— Ты можешь всё мне рассказать, — Кар взяла меня за руку, и её ладонь была тёплой, настоящей, живой, и от этого прикосновения внутри что-то дрогнуло, будто я наконец нашла якорь в море, которое давно штормило. — Я тебя всегда поддержу. Доверься мне. Вдруг смогу помочь советом.

От слова «помочь» меня передёрнуло. Я скоро начну ненавидеть это слово, так часто его слышу. Оно преследует меня, как навязчивый мотив, который играет в каждом доме, в каждом разговоре, в каждом сне.

Может, действительно всё ей рассказать? Устала носить всё в себе. Вдруг и правда поможет? Даже если не поверит, попрошу никому не рассказывать. После нескольких минут раз-

думий я всё рассказала Карине. Слушала, не перебивая, но выражение её лица и бесконечно сменяющиеся эмоции на нём говорили всё за неё: шок, недоумение, страх, сочувствие, снова шок — целая палитра чувств, которые сменяли друг друга так быстро, что я не успевала их считать. Она была сильно шокирована, вряд ли поверила. Я уже пять минут, как закончила свой рассказ, но Кар продолжала молча смотреть на меня, и в её глазах читалась не осуждающая растерянность, а попытка собрать всё, что она только что услышала, во что-то, что имеет смысл. Хотела что-то сказать, открывала и снова закрывала рот, как рыба, которую выбросило на берег и которая пытается вернуться в воду.

— Ну давай уже, — не выдержала я. — Вынеси свой вердикт. Скажи, что у меня съехала крыша.

— Я так не считаю, — возразила подруга, и в её голосе было столько спокойной, твёрдой уверенности, что я на мгновение потеряла дар речи.

— Это написано на твоём лице, — усмехнулась я, и в этой усмешке было столько надежды, что я боялась её спугнуть.

— То, что ты говоришь, — это, конечно, невероятно, — она развела руками, и в этом жесте было столько широты, столько готовности принять даже самое невозможное, что я вдруг почувствовала, как внутри что-то расслабляется, как тугой узел, который жил у меня в груди, начинает понемногу распутываться. — Но вполне может быть правдой.

Тут челюсть «отпала» у меня. Кар поверила мне? Вот так просто? Без вопросов, без сомнений, без диагноза? Просто — поверила?

— Ну сама подумай, — продолжала подруга, и в её глазах зажглся огонёк, который я видела каждый раз, когда она за что-то хваталась: идея, парень, план. — Тебе пересадили сердце другого человека. Вдруг это сердце этого парня? Вот он и хочет, чтоб ты нашла его убийцу.

— А как же тогда девушка? — пыталась осмыслить предположение подруги, и в голове всё смешалось: сердце, призрак, блондинка, авария, голубые глаза, которые я вижу каждый день.

— Ну… они любили друг друга. Может, парень сильно страдал после её смерти. А в поисках правды узнал, что его хотят убить. Но его это не спасло, — она тяжело вздохнула, и в этом вздохе была вся тяжесть истории, которую мы только что построили из обрывков снов и молчания призрака. — И его всё-таки убили. Теперь он не может обрести покой. Хочет справедливости. А так как в тебе его сердце, вот и привязался к тебе.

— Тебе не кажется, что всё это похоже на фантастический фильм? В жизни такого не бывает, — теперь я пыталась её переубедить в реальности происходящего. Зачем? Сама не знаю. Может, услышав всё со стороны, больше убеждаюсь в своём помешательстве, а может, просто хотела, чтобы она ещё раз сказала: «Я тебе верю», потому что один раз было мало, мало, как мало одного глотка воды тому, кто долго шёл по пустыне.

— Откуда ты знаешь, что бывает в жизни? — парировала Кар, и в её вопросе была та простая, безжалостная логика, с которой невозможно спорить. — Ты общалась хоть с одним человеком, которому пересадили сердце? Ты знаешь, как они живут и что чувствуют?

— Нет. Но… я сама себе поверить не могу. Почему ты поверила мне так быстро? — с замиранием сердца ждала ответа, и сердце, моё новое, чужое, живое сердце, билось так громко, что я слышала его в ушах, как далёкий барабан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.